

ЗОЛОТИНКА

ТИХИЙ ИЗЛОМ

мистический роман

18+

Певица Золотинка

Тихий излом

«Автор»

2026

Золотинка П.

Тихий излом / П. Золотинка — «Автор», 2026

Маша и Марина дружили с детства. Их семьи были не похожи, судьбы складывались по-разному, но казалось, что между подругами никогда не возникнет тайны, способной разрушить доверие. Всё меняется, когда Маша обнаруживает в себе чувство к мужу Марины — чувство, которое она не решается признать даже перед собой. Попытка добиться чужой любви приводит её к книге с приворотами, а затем — к встрече с загадочной женщиной, чьё предупреждение Маша предпочитает забыть. Впереди остаются всего две улицы до дома. Но иногда именно такой короткий путь навсегда разделяет жизнь на до и после. «Тихий излом» — мистическая история о дружбе, ревности, выборе и цене, которую человек платит за попытку распорядиться чужой судьбой.

© Золотинка П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. Когда беда вошла в дом	6
ГЛАВА 2. Обещание выздоровления	9
ГЛАВА 3. Внук бабы Шуры	12
ГЛАВА 4. Обыкновенный поцелуй	15
ГЛАВА 5. День, когда не пришла	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Певица Золотинка

Тихий излом

ПРОЛОГ

В небольшом городе, где жители знали не только соседей, но и их дальнюю родню, рождение двух девочек в один день долго вспоминали как забавное совпадение. Маша появилась на свет ранним утром, а Марина — ближе к вечеру того же дня. Их матери дружили с детства и потому встретили новость с особенным удовольствием. Теперь у них было ещё одно общее событие, которое можно было отмечать вместе. Девочки росли в разных домах, но с самого начала их жизни переплетались настолько тесно, что окружающие вскоре перестали удивляться: где одна, там почти наверняка найдётся и другая.

Семья Марины жила обеспеченно. Оба родителя занимали ответственные должности в городской администрации, много работали и привыкли заранее думать о будущем единственной дочери. Марину хорошо одевали, возили отдыхать, следили за учёбой и здоровьем. При этом в доме не было привычки измерять людей должностями или достатком. Мать Марины дорожила своей давней дружбой с Машиной мамой, а отец относился к её семье без той снисходительности, которой иногда прикрывают нежелание действительно помогать. Когда девочки были маленькими, взрослые не раз замечали, что собственные игрушки интересуют их меньше, чем возможность играть вместе.

Машины родители знали другую жизнь. Оба выросли в детском доме и рано научились рассчитывать на себя. У них не было родственников, которые могли бы прийти на выручку, зато было редкое согласие между собой. Мать работала почтальоном и знала едва ли не каждую семью на своём участке. Отец трудился в штольне. Работа была тяжёлой, но домой он возвращался с неизменным желанием услышать, как прошёл день у жены и что нового научилась делать маленькая дочь. Они не успели накопить многого, однако Маша росла в доме, где её любили без оговорок и где отсутствие лишних денег почти не замечалось ребёнком.

Матери не пытались сделать дочерей одинаковыми. Марина с ранних лет легко знакомилась, любила рассказывать и охотно брала на себя роль заводилы. Маша присматривалась к людям дольше и прежде, чем заговорить, старалась понять, можно ли им доверять. Марина умела настоять на своём, Маша чаще уступала в мелочах, но в серьёзных вопросах проявляла неожиданное упрямство. Эти различия не мешали дружбе. Напротив, каждая находила в другой то, чего ей самой немного доставало, и обе воспринимали постоянное присутствие подруги как обыкновенное устройство мира.

Взрослые любили говорить, что девочки будут дружить всю жизнь. Никто тогда не вкладывал в эти слова никакого особенного смысла. Им представлялись совместная школа, девичьи секреты, будущие свадьбы и дети, которые тоже станут приятелями. В маленьком городе подобные надежды казались вполне осуществимыми: люди здесь редко исчезали бесследно, а давние связи сохранялись десятилетиями. И всё же жизнь двух семей вскоре изменилась так резко, что от прежней беззаботности не осталось почти ничего. Марина этого ещё не понимала, а Маша была слишком мала, чтобы представить, что однажды знакомый дом может стать совсем другим.

ГЛАВА 1. Когда беда вошла в дом

Маше не исполнилось трёх лет, когда её отец погиб в штольне. Позже она узнала, что о случившемся рассказывали по-разному: кто-то помнил тревогу на предприятии, кто-то — молчание людей, пришедших к их дому. Для девочки всё это осталось за пределами памяти. Она помнила другое: у двери долго стояли чужие ботинки, мать не отпускала её от себя, а отец почему-то не приходил даже к ужину. Прежде его возвращение можно было угадать по знакомому шуму в прихожей. После той недели в квартире стало так тихо, что Маша начала прислушиваться к шагам на лестнице.

Родители Маши выросли в детском доме. У них не было старших родственников, готовых распорядиться чужим горем, и не было накопленного за поколения хозяйства, на которое можно опереться в тяжёлую пору. Семью они построили сами. Отец работал много и уставал сильно, но возвращался домой человеком, у которого хватало терпения на детские вопросы. Мать была почтальоном, знала город почти наизусть и умела разговаривать с людьми так, что даже самые замкнутые старики задерживали её на пороге. Их достаток не поражал соседей, зато жизнь была устроена понятно: работа, дом, ребёнок и простые планы, которым, казалось, ничто не мешает сбыться.

После похорон мать долго пыталась жить по заведённому порядку. Просыпалась в привычный час, ставила чайник, проверяла, что надето на дочери, и заставляла себя делать то, что раньше делалось без усилия. Днём она могла ответить на вопросы соседей и даже поблагодарить за помощь, а к вечеру оставалась одна с тишиной, от которой некуда было уйти. Дочь росла и требовала заботы. Женщина цеплялась за эту необходимость, хотя собственных сил у неё оставалось всё меньше. Никто тогда не думал, что за первой бедой скоро последует другая.

После тяжёлого переживания утраты у матери случился инсульт. Последующие события Маша помнила гораздо яснее. Мать лежала в кровати, говорила с ней, но не могла подняться и подойти к окну, как прежде. Взрослые объясняли девочке, что мама заболела и ей необходим покой. Маша принимала слова буквально: старалась ходить тише, не хлопала дверями и приносила к постели рисунки, которые мать рассматривала так внимательно, словно от этого зависело что-то очень важное. Иногда девочка садилась рядом и рассказывала обо всём, что произошло за день, а иногда просто держала маму за руку.

Пока мать лежала в больнице, для Маши самым трудным было не одиночество, а постоянное ожидание объяснений. Она видела, как взрослые замолкают при её появлении, и понимала, что речь идёт о чём-то серьёзном, но никто не мог рассказать ребёнку о случившемся так, чтобы стало легче. Маша прислушивалась к разговорам, запоминала случайные слова, задавала вопросы и получала разные ответы. Постепенно она перестала спрашивать о самом страшном, потому что даже в её возрасте было видно, с каким усилием взрослые произносят слова о матери. Отец уже не вернётся; теперь девочка боялась, что не вернётся и мама.

Отец остался в Машиной памяти не лицом, которое она могла бы уверенно описать, а несколькими домашними подробностями, сохранившимися после него. Взрослые говорили об отце с осторожностью, словно ребёнок не должен был слышать тяжёлых слов. Маша замечала эту осторожность и постепенно перестала спрашивать о том, почему он не приходит. Гораздо сильнее её занимало отсутствие матери: та была жива, но иногда до неё нельзя было дотянуться даже рукой. Вечером девочка ждала знакомого голоса и не понимала, почему взрослые обещают скорое возвращение, не называя дня.

Когда мать привезли домой, изменился весь привычный порядок. Даже те вещи, на которые прежде Маша не обращала внимания, приобрели значение: где стоит стакан с водой, достанет ли мама до него, услышит ли её, если позовёт из другой комнаты. Маша слишком рано научилась различать усталость по выражению лица и понимать, когда лучше промолчать.

Порой она сердилась, что ей приходится вести себя осторожнее других детей, но потом испытывала стыд за эту злость. Объяснить подобные чувства она не умела и потому хранила их в себе.

В доме постепенно сложился порядок, о котором никто не договаривался. Утром Маша сначала подходила к матери, а уже потом собиралась к Марине. Её беспокоили вопросы, которые другим детям не приходили в голову: сможет ли мама дотянуться до воды, не станет ли ей холодно, услышит ли она, если девочка позовёт из кухни. Эти заботы не превращали Машу во взрослую, как любили говорить знакомые. Она оставалась ребёнком и порой сердито завидовала тем, кто мог выбежать на улицу, не оглянувшись. Потом стыдилась своей зависти и старалась быть особенно внимательной к матери.

Подруги редко обсуждали это всерьёз. Марина могла принести новую игру, долго объяснять правила и искренне не понимать, почему Маше трудно радоваться. Маша же не хотела видеть жалость на её лице. Она охотно принимала помощь, но всякий раз испытывала облегчение, когда разговор переходил на школьные пустяки. В такие минуты им удавалось быть ровесницами, а не девочками из благополучного и несчастливой домов. Эта привычка обходить самое болезненное сохранилась у Маши надолго: впоследствии она будет молчать даже тогда, когда говорить станет необходимо.

Приходилось учиться и обычным вещам. Маша рано запомнила, где лежат необходимые матери предметы, кому из взрослых можно позвонить и почему нельзя оставлять проход возле кровати заставленным. Она не превращалась от этого во взрослого человека: так же сердилась, когда подруга выигрывала у неё в игре, так же боялась строгого учителя, так же ждала праздников. Однако даже самые беззаботные дни имели для неё продолжение — возвращение домой, где всё зависело от материнского самочувствия. Эта двойственность позже сделает Машу особенно привязанной к семье Марины, в которой ей позволяли оставаться ребёнком.

Болезнь растянулась на шесть лет. В первые месяцы взрослые ещё спрашивали врачей, когда женщина сможет встать. Позже вопросы изменились: какие лекарства нужны, кого пригласить для ухода, как облегчить обычные домашние заботы. Машина мать не утратила способности понимать происходящее. Ей особенно тяжело давалось то, что собственная дочь росла у неё на глазах, а она не могла проводить её в школу, выйти навстречу после уроков или поправить шарф на улице. Маша научилась помогать без просьб. Это не сделало её взрослой раньше времени, как любили говорить окружающие, но приучило замечать чужую усталость и не рассчитывать, что все её желания исполнятся немедленно.

Ближе других к семье оказались родители Марины. Их дружба с Машиной матерью началась ещё задолго до рождения дочерей и выдержала различия, которые со стороны казались существенными. Родители Марины занимали высокие должности в городской администрации, жили обеспеченно и могли позволить себе то, о чём многие соседи только мечтали. Но на пороге больничной комнаты ни положение, ни достаток не имели значения. Они взяли на себя оплату лечения, позаботились об уходе за больной, следили за лекарствами, продуктами и школьными нуждами девочки. Самое существенное заключалось даже не в деньгах: они не исчезли после первых недель сочувствия.

Мать Марины бывала у подруги при каждой возможности. Разговоры их с годами становились проще. Поначалу женщины возвращались к несчастью, вспоминали погибшего, пытались найти объяснение происходящему. Затем говорили о Машиной учёбе, ценах в магазинах, переменах в городке и Мариных проделках. Для прикованной к постели женщины эти беседы были способом не выпасть из жизни. Она знала, что у подруги есть дела, работа и собственная семья, потому особенно ценила часы, проведённые возле её кровати. Благодарить ей хотелось часто, но однажды мать Марины попросила оставить эту тему: дружбу нельзя было превращать в бесконечный подсчёт услуг.

Помогали и соседи. Машину мать помнили по почтовой сумке, с которой она проходила улицы в любую погоду. Одни приносили фрукты, другие разыскивали нужные лекарства, третьи заходили поговорить или помочь по дому. В маленьком городке любопытство и участие порой трудно отличить друг от друга, однако здесь никто не требовал благодарности напоказ. Люди знали, что ребёнку нужно расти среди живых голосов, а больной женщине необходимо слышать не только советы о лечении. Даже короткий визит знакомой с работы мог сделать для неё день менее однообразным.

Маша много времени проводила у Марины. В её доме обедали не торопясь, обсуждали новости, ссорились по мелочам и мирились ещё до вечера. Родители подруги покупали Маше одежду и школьные принадлежности вместе с вещами для собственной дочери. Они старались не подчёркивать эту помощь, понимая, как легко можно задеть ребёнка даже добрым словом. Девочки делили игрушки, потом учебники, спорили из-за одной и той же книги и привыкли входить друг к другу без церемоний. Маша не забывала о матери, но постепенно перестала чувствовать себя гостьей в доме Марины.

По вечерам, возвращаясь домой, она рассказывала больной матери, что делали они с Мариной и чему научились в школе. Женщина слушала внимательно, иногда просила повторить особенно смешной случай и радовалась, когда дочь смеялась. Не все дни были такими. Случалось, Маша обижалась на подругу, завидовала её беззаботности или уставала от просьб взрослых. Но эта обычная детская жизнь, со ссорами, уроками и праздниками, всё-таки продолжалась. Через много лет ей будет трудно представить, что именно близость двух семей, когда-то спасающая её от одиночества, окажется связана с самым мучительным выбором её взрослой жизни.

После возвращения от Марины Маша обычно старалась подробно пересказать матери прошедший день. Иногда та просила начать заново, потому что в первой версии дочь торопилась и пропускала то, что казалось женщине важным. Так постепенно между ними возникло особое вечернее время, когда болезнь ненадолго отступала из разговора. Мать знала поимённо учителей, помнила соседских детей и замечала, что дочь отвечает всё короче, если чем-то расстроена. Она не всегда могла помочь, зато умела слушать, не перебивая. Позднее Маше будет особенно не хватать именно этого спокойного внимания.

Родители Марины никогда не называли свою помощь подвигом. Для них было естественно встретить Машу после занятий, накормить, дать ей спокойно подготовить уроки, а потом проводить домой. От этого забота не становилась менее важной. Девочка замечала, что в чужом доме на неё не смотрят с жалостью и не требуют благодарности за каждую мелочь. Она могла спорить с Мариной, обижаться на неё, отстаивать своё мнение — словом, жить так, как живут дети, не обязанные каждую минуту помнить о несчастье. Позднее именно это обычное отношение Маша будет вспоминать с особенно тяжёлым чувством.

Девочка училась замечать настроение матери по едва уловимым признакам. Если та уставала, Маша переставала расспрашивать её о школе и молча садилась рядом с книжкой. Если утром женщина встречала дочь улыбкой, Маша позволяла себе рассказывать обо всём подряд. За долгие годы у них сложился собственный способ разговаривать о трудном, не произнося лишних слов. Мать не спрашивала, почему дочь иногда задерживается у Марины дольше обычного. Она понимала: там Маша может ненадолго забыть о болезни, а потом возвращается к ней без уговоров и жалоб.

ГЛАВА 2. Обещание выздоровления

Первые признаки улучшения появились настолько осторожно, что мать Маши не сразу решилась о них сказать. За шесть лет болезни она привыкла встречать каждую надежду недоверием. Утром удавалось сделать чуть больше, чем вчера, а к вечеру силы исчезали, и казалось, что никакого движения вперёд не было. Она боялась обнадежить дочь, которая слишком долго ждала дня, когда мама сможет сама подойти к двери. Врачам тоже не хотелось давать обещания, поэтому о переменах говорили скупно, выбирая слова и не загадывая на месяцы вперёд.

Сначала женщина смогла дольше сидеть, затем с посторонней помощью поднялась с постели. Короткое расстояние от кровати до кресла потребовало усилий, о которых здоровый человек даже не задумался бы. Маша стояла рядом и старалась не показывать волнения. Она выросла за время материнской болезни, успела пойти в школу и научилась делать многое самостоятельно, однако в тот день вдруг почувствовала себя маленькой. Ей хотелось подбежать и обнять мать, как раньше, но она видела, с каким трудом даётся каждый шаг, и ждала, пока взрослые позволят приблизиться.

Выздоровление не шло ровно. За удачными днями следовали недели усталости, когда мать снова проводила много времени в постели. Приходилось заново осваивать простые движения, следить за равновесием и распределять силы. Маша научилась не спрашивать каждое утро, когда всё закончится. Она видела, как тяжело матери даются эти занятия, и понимала, что нетерпение не может ей помочь. Родители Марины продолжали поддерживать семью, хотя теперь заботы постепенно менялись: вместо постоянного ухода требовались помощь с лечением, поездки к врачам и терпеливое присутствие рядом.

В доме долго не произносили слово «выздоровела». Оно казалось слишком смелым для женщины, которая ещё недавно нуждалась в посторонней помощи. Маша привыкла радоваться не большим обещаниям врачей, а измеримым вещам: мать сама поправила одеяло, смогла удержать чашку, попросила открыть окно и не стала ждать, когда дочь догадается об этом без слов. Улучшение возвращало ей самостоятельность, но вместе с нею и характер. Она снова делала замечания Маше за неубранные вещи, интересовалась её отметками и спорила, когда дочь пыталась освободить её от любой домашней обязанности. Порой обе уставали от этих споров, однако именно они убеждали, что прежняя жизнь понемногу возвращается.

В течение следующего года тяжелейшие последствия инсульта отступили. Мать смогла передвигаться по квартире, выходить из дома и вновь участвовать в повседневных заботах. Правая нога, правда, так и не стала нормально сгибаться. С этим ограничением женщина научилась жить, подбирая привычный ритм и не позволяя окружающим делать за неё всё подряд. Маша радовалась каждой самостоятельной мелочи, но замечала и то, как мать уставала после обычного похода в магазин. Возвращение к жизни оказалось не торжественным событием, а чередой дней, в которых понемногу становилось больше свободы.

Когда женщина впервые смогла пройти по комнате без прежней посторонней поддержки, Маша не устроила праздника и даже не сразу решилась обрадоваться. В их доме хорошие новости за годы болезни слишком часто сменялись разочарованиями. Она следила за каждым движением матери, боялась, что та оступится, хотела подхватить её за руку и одновременно понимала, как утомило женщину ощущение собственной беспомощности. Только вечером, оставшись одна, Маша позволила себе представить, что однажды они смогут вместе выйти из дома без необходимости заранее просить кого-нибудь о помощи.

Мать возвращалась к привычным обязанностям постепенно и очень настойчиво. Её раздражало, когда дочь пыталась сделать за неё всё, что ещё вчера требовало помощи. Между ними случались споры, непонятные посторонним: Маша считала заботу выражением любви, мать видела в ней недоверие к собственным силам. Однажды женщина сказала, что хочет снова

быть для дочери матерью, а не только человеком, которого надо беречь. Маша долго размышляла над этими словами. Она слишком привыкла к иной роли и не замечала, как настойчиво охраняет мать от самой жизни.

Между тем дружба с Мариной выдержала долгие годы болезни без особых испытаний. Девочки сидели за одной партой, вместе готовились к контрольным, менялись книгами и нередко спорили до слёз, чтобы через час снова заговорить друг с другом. Марина чаще выступала заводилой: первой предлагала прогулки, новые увлечения и знакомство с одноклассниками. Маша была осторожнее, зато хорошо помнила обещания и замечала детали, которым подруга не придавала значения. Их непохожесть не мешала близости. Напротив, каждая привыкла обращаться к другой именно за тем, чего самой иногда не хватало.

Различие в достатке семей почти не обсуждалось. Маша знала, что Мариныны родители способны купить дочери вещи, о которых её мать прежде всего спросила бы: действительно ли они необходимы? Но постоянные сравнения не вошли в привычку девушек. Марина охотно делилась покупками и не пыталась демонстрировать превосходство. Маша принимала помощь, не желая, чтобы вся их дружба строилась вокруг неё. Когда мать стала ходить, пусть с трудом, Маше особенно хотелось показать, что и их дом может принимать гостей, накрывать стол, заботиться о других. Марина приходила туда так же свободно, как раньше Маша к ней.

Подростковые годы принесли новые темы: чужие симпатии, школьные сплетни, планы на профессию. Девушки могли часами обсуждать поступки знакомых, удивляясь, как разные люди по-разному понимают справедливость. Маша иногда возвращалась к истории своего отца, хотя почти не помнила его. Ей хотелось знать, кто отвечал за безопасность в штольне и почему беда разрушила жизнь семьи, которая никому не причиняла вреда. Марина воспринимала эти вопросы менее лично, но умела слушать и не пыталась увести разговор, когда подруге было важно договорить.

К выпускным классам обе решили поступать в юридический институт. Для Маши этот выбор казался связанным с потребностью разобраться в правилах, по которым устроена жизнь, и в том, почему соблюдение правил не всегда спасает людей. Марина видела в профессии возможность самостоятельной работы, интересных дел и уважения. Их доводы отличались, но решение было общим. Взрослые отнеслись к нему серьёзно; родители Марины помогли девушкам с подготовкой, а Маша мать старалась не показывать, как волнуется из-за будущего дочери.

Окончательный выбор института потребовал от Маши большей настойчивости, чем от Марины. Обучение означало не только занятия, экзамены и дорогу, но и необходимость устраивать повседневную жизнь так, чтобы мать не оставалась без помощи. Когда Маша задерживалась на учёбе, она заранее предупреждала домой. Марина привыкла к этому и не обижалась, если подруге приходилось уходить первой. Даже после улучшения материнского здоровья прежняя ответственность не исчезла мгновенно: Маша ещё долго проверяла, всё ли дома в порядке, прежде чем разрешала себе отдыхать.

Маше приходилось заранее рассчитывать, сколько времени уйдёт на дорогу и занятия, когда она успеет помочь матери и какую часть расходов можно отложить до следующего месяца. Марина смотрела на будущую учёбу иначе: её родители спрашивали прежде всего, достаточно ли хорош институт и не придётся ли дочери отказываться от интересных возможностей. Разница не порождала ссоры. Но иногда Маша замечала, что одинаковые решения обходятся им разной ценой. Она не обвиняла подругу в благополучии; ей было важно доказать самой себе, что необходимость чаще думать о деньгах не лишает человека права выбирать любимое дело.

В институте у каждой появились собственные знакомые и занятия. Они учились усердно, иногда по-разному оценивали преподавателей, выбирали разные темы для выступлений и всё же возвращались к привычному разговору вдвоём. Праздники проводили вместе, рассказы-

вали друг другу о неприятностях и удачах. Маша постепенно привыкала к мысли, что мать уже не так беспомощна, как в её детстве, хотя по-прежнему берегла её. Марина легко строила планы на следующие годы, не сомневаясь, что подруга останется рядом при любых переменах.

На пятом курсе они всё чаще говорили о работе после выпуска. Обе понимали, что взрослые обязанности изменят их распорядок, но не видели в этом угрозы дружбе. До сих пор всё важное происходило с ними почти одновременно: учёба, первые тревоги, выбор будущей профессии. Они привыкли считать такое совпадение естественным. И когда в Марининой жизни появился мужчина, которому она вскоре отдаст почти всё своё внимание, Маша поначалу встретила перемену с тем же искренним участием, какое подруга всегда проявляла к ней.

Чем ближе был выпуск из института, тем яснее становилось, что одинаковое образование не обязательно приведёт их к одинаковой жизни. Маша интересовалась службой в прокуратуре, представляя себе работу, где нельзя полагаться только на впечатление о человеке. Марина чаще говорила о практике адвоката и о том, что ей хочется видеть результаты труда не только в служебных бумагах. Они спорили о выборе места работы, но обе считали само собой разумеющимся, что продолжат встречаться, даже если свободного времени станет меньше.

Их близость не требовала ежедневных признаний в дружбе. За годы учёбы они успели увидеть друг друга в разных обстоятельствах: после неудачных экзаменов, во время болезней, в дни безденежья и в праздники. Марина могла поспорить с Машей до обиды, а на следующий день первой прийти мириться. Маша редко жаловалась, но Марина научилась замечать, когда та замыкается и перестаёт отвечать на самые простые вопросы. Обе были уверены, что уж между ними не возникнет ничего такого, о чём нельзя рассказать напрямую. Эту уверенность им ещё предстояло потерять.

ГЛАВА 3. Внук бабы Шуры

Баба Шура жила в соседней квартире и к своим семидесяти пяти годам успела привыкнуть к размеренной, не слишком шумной жизни. Молодых соседей она знала давно, Марину помнила ещё школьницей, а Машу отличала с первого взгляда, хотя девочки когда-то часто приходили к ней вместе. В один из дней у старушки поселился тридцатилетний внук Игорь. Для неё это было прежде всего семейным счастьем: в квартире снова слышались мужские шаги, на кухне появлялись разговоры, а бытовые дела больше не казались непреодолимыми.

Игорь быстро освоился в доме. Он умел разговаривать и со старшими, и с ровесниками, помогал бабушке без лишних объяснений и не относился к её привычкам снисходительно. Вежливость в нём не выглядела нарочитой. Если соседке нужно было поднять тяжёлую сумку или поддержать дверь, он делал это прежде, чем его просили. Такого человека в небольшом доме замечают скоро. Марина обратила внимание на нового соседа не потому, что о нём говорили окружающие, а потому, что рядом с ним ей оказалось необыкновенно легко.

Игорь понравился Марине не сразу каким-то одним поступком. Напротив, в первое время она отмечала совсем обыкновенные вещи: он без просьбы приносил бабушке покупки, слушал её рассказы, не делал вид, будто помощь пожилому человеку заслуживает особой похвалы. Если старушка перебивала разговор, он не сердился и не обращался с ней как с помехой. Марина, привыкшая к вниманию молодых людей, заметила в этом спокойствии то, чего раньше не умела назвать. Рядом с Игорем не требовалось постоянно подтверждать собственную привлекательность. Можно было говорить о работе и учёбе, смеяться над мелочами и не следить за каждым словом.

Первое время они встречались на лестничной площадке или у бабы Шуры. Потом разговоры стали длиннее. Игорь оказался юристом, работал адвокатом, и у студентки пятого курса нашлось немало вопросов о практике, которая в институтских аудиториях представлялась гораздо понятнее, чем была на самом деле. Он не изображал человека, знающего ответы на всё, охотно признавал трудности профессии и умел объяснить сложное без назидания. Марине нравилось, что с ним можно смеяться и спорить, не опасаясь обидеть или показаться смешной.

Маша наблюдала за их сближением с интересом, не подозревая, что впоследствии будет возвращаться к самым обычным деталям этих месяцев. Марина рассказывала о встречах сразу, почти не выбирая слов. Если Игорь задерживался после разговора, чтобы проводить её до двери, подруга узнавала об этом в тот же вечер. Если они вместе гуляли, Маша слышала о каждой забавной подробности. Она радовалась за Марину, поскольку хорошо знала её характер: та привыкла увлекаться, но редко бывала настолько уверена в человеке, с которым связывала надежды.

Вскоре знакомство превратилось в серьёзные отношения. Марина не скрывала, что хочет быть рядом с Игорем постоянно, а он всё яснее давал понять, что представляет их будущее общим. Решение пожениться не встретило возражений. Родители Марины видели, что дочь счастлива, баба Шура от души радовалась внуку, который собирался остаться рядом, а сама Марина занималась приготовлениями со свойственной ей энергией. Маша участвовала в хлопотах, помогала с мелочами и искренне думала, что у подруги начинается удачная взрослая жизнь.

После свадьбы молодые поселились у бабушки Игоря. Старушка не скрывала удовольствия от их присутствия, хотя иногда уставала от суеты, которую сама же и приветствовала. В доме появились новые привычки, общие ужины, разговоры о работе и покупки, которые теперь делали с расчётом на двоих. Марина рассказывала Маше, как хорошо Игорь умеет заботиться о близких и с каким терпением относится к бабушке. Для неё это было не менее важно, чем признания в любви: человека она узнавала по тому, как он ведёт себя дома.

Для Марины жильё у бабы Шуры было удачным началом семейной жизни. Она не стеснялась присутствия пожилой женщины, спрашивала её совета по хозяйству и порой смеялась над тем, как охотно Игорь исполняет бабушкины просьбы. Маша, приходящая в гости, быстро освоилась с новым порядком. Только иногда, собираясь домой, она чувствовала, что прежняя привычка задерживаться до позднего вечера больше не совсем уместна. Марина уже строила собственную семью, и Маша уважала это, хотя перемена давалась не сразу.

Маша заходила к молодым чаще по привычке, чем по приглашению. Иногда она заставляла Марину за домашними хлопотами и по старой дружбе оставалась помочь, иногда беседа затягивалась на кухне у бабы Шуры. В этих встречах почти ничего не напоминало о границах новой семьи. Однако незаметные перемены всё-таки происходили. Марина теперь принимала решения вместе с мужем, а не обсуждала их сперва с подругой; на вечер у неё могло оказаться собственное дело, о котором она не считала нужным предупреждать. Маша понимала естественность такого порядка и не обижалась. Пока она видела в нём лишь взрослую жизнь, к которой сама ещё не пришла.

Свадьба Марины не стала неожиданностью ни для кого из близких. И всё же Маша впервые почувствовала, насколько меняется дружба, когда у одной подруги возникает собственная семья. Прежде они могли договориться о встрече за несколько минут; теперь надо было учитывать планы Игоря, семейные покупки, приглашения родственников. Марина старалась не оставлять Машу в стороне и искренне верила, что та рада всем переменам. Маша и была рада. Просто она ещё не привыкла к тому, что теперь в жизни подруги существует круг забот, в который даже самая близкая подруга входит не всегда.

Игорь не стремился занять главное место во всех беседах и потому нравился Маше своей обычностью. Он мог внимательно выслушать рассказ Марины о работе, помочь бабушке по дому, пошутить над собственной неловкостью и без напряжения перейти к серьёзной теме. Маша не придавала этому особого значения. Она видела в нём прежде всего мужа подруги, человека, которого давно приняли в круг семьи. Лишь много позднее воспоминания о таких бесхитростных подробностях станут для неё мучительными: прошлое позволяло увидеть в каждом жесте то, чего в момент самого события она вовсе не замечала.

Институт остался позади. Девушки получили дипломы и начали работать в разных учреждениях. Маша устроилась в прокуратуру, где первые месяцы проходили среди документов, строгого распорядка и необходимости тщательно проверять каждую формулировку. Марина пришла в адвокатскую контору, в которой работал её муж. Игорь уже имел опыт адвокатской практики и неплохо зарабатывал. Молодой семье хватало средств для обычных нужд, а будущее представлялось им понятным и достаточно спокойным.

Маша жизнь складывалась иначе, но причин считать её несчастливой не было. Она осваивалась на службе, помогала матери, по возможности встречалась с подругой и не торопилась с устройством личной жизни. После пережитой в детстве беды стабильность значила для неё много. Она ценила дни, когда дома спокойно, мать чувствует себя хорошо, а на работе удаётся справиться со сложным делом. Случались вечера, когда ей хотелось собственного семейного тепла, но это желание не превращалось в постоянную тревогу.

Игорь относился к Маше так, как относился бы к младшей сестре жены или к человеку, давно принятому в семью. Он знал о многолетней дружбе девушек и о помощи, которую родители Марины оказали Маше и её матери. Неизменно приветливый, он интересовался здоровьем женщины, мог помочь с бытовым делом и не видел ничего особенного в том, что Маша часто бывает у них дома. Это доверие устраивало всех троих. У Маши не возникало необходимости следить за каждым словом, а Марина спокойно оставляла мужа с подругой, зная, что между ними нет ничего тайного.

О семейной жизни Марина рассказывала подробно. Ей нравилось вспоминать, как Игорь встретил её после трудного дня, позаботился о бабушке, приготовил ужин или неожиданно

нашёл время для прогулки. Порой Маша смеялась над её восторгами, уверяя, что даже хороший муж не способен ежедневно совершать подвиги. Марина смеялась в ответ и продолжала рассказывать. В тот период их разговоры не причиняли Маше боли. Она просто видела, что подруга довольна своим выбором, и считала это естественным итогом истории, за развитием которой наблюдала с самого начала.

Маша привыкла слышать имя Игоря в рассказах подруги так же часто, как прежде слышала имена институтских преподавателей и общих знакомых. Пока эти подробности казались ей частью жизни Марины, которой она искренне интересовалась. Их смысл изменится позднее, после одного ничем не примечательного вечера. Тогда Маше придётся вспоминать не только жест Игоря у собственной двери, но и месяцы доверительных разговоров, на которые она прежде отвечала без внутреннего усилия.

ГЛАВА 4. Обыкновенный поцелуй

Новость о беременности Марина сообщила мужу и Маше почти сразу. Она не умела долго держать радость при себе и едва дождалась возможности поделиться тем, что теперь занимало все её мысли. Игорь выслушал жену с недоверчивым счастьем, переспросил, правильно ли понял, а затем предложил вечером собраться за столом и отметить предстоящее прибавление в семье. Он говорил быстро, перебирая будущие заботы, хотя пока ни одна из них не требовала немедленного решения. Марина смотрела на него и улыбалась так, словно именно этой реакции и ожидала.

Маша пришла с букетом полевых цветов. Она выбрала их не случайно: Марина любила простые яркие букеты и умела расставить их так, что даже небольшая комната становилась наряднее. Игорь встретил гостью, помог снять верхнюю одежду и понёс цветы на кухню. Баба Шура тоже участвовала в семейном вечере, радуясь тому, что скоро станет прабабушкой. За столом говорили об обследованиях, будущих покупках и о том, кому доверить самые первые заботы о ребёнке. Каждый представлял ближайшие месяцы по-своему, и в этих представлениях было больше весёлого волнения, чем настоящего знания.

Ужин получился домашним, без приглашённых гостей и заранее продуманного торжества. Баба Шура радовалась будущему правнуку или правнучке, хотя сама Марина ещё не знала, кого ждёт. Она спорила с Игорем о том, как скоро придётся переставлять мебель, а затем обрывала разговор и принималась расспрашивать Машу о работе. Маша смеялась вместе с ними, обещала помогать с ребёнком и на тот момент ни в чём не притворялась. Это был ещё тот вечер, когда счастье подруги не причиняло ей боли.

Марина то и дело обращалась к Маше, спрашивала её мнение и обещала, что без подруги не справится. Маша отвечала вполне серьёзно: если понадобится помощь, она придёт после работы, побудет с малышом, принесёт продукты или подменит Марину, чтобы та могла отдохнуть. Они росли вместе, и мысль о ребёнке подруги казалась ей продолжением их общей жизни. Игорь слушал с благодарностью. Он хорошо знал, как тесно связаны две семьи, и не сомневался, что Маша будет для ребёнка близким человеком.

Вечер затянулся. За разговорами успели забыть о времени, потом снова вернулись к обсуждению будущего, и только ближе к ночи Маша вспомнила, что утром ей нужно на работу. Она выпила немного шампанского, чувствовала приятную усталость и уже собиралась уходить одна. От дома бабы Шуры до её квартиры было всего несколько минут пешком, путь знакомый с детства. Но Марина настояла, чтобы муж проводил подругу. Игорь охотно согласился, не усмотрев в этом ничего необычного. Маша тоже не стала спорить, хотя могла бы пройти это расстояние с закрытыми глазами.

На улице было тихо. В знакомом дворе светились несколько окон, где-то вдали прошла машина, и снова стало слышно, как под ногами шуршит дорожный мусор. Игорь заговорил о предстоящем отцовстве с той откровенной радостью, которая легко передаётся собеседнику. Ему хотелось многое успеть до рождения ребёнка, он немного беспокоился за Марину, прислушивался к её самочувствию и спрашивал Машу, не кажется ли ей, что жена слишком устаёт. Маша отвечала осторожно, как человек, который не хочет напугать будущего отца лишним советом.

Расстояние до Машиного дома было коротким, и идти они могли бы гораздо быстрее. Но Игорь не торопился заканчивать разговор: он расспрашивал, не слишком ли утомляет Машу служба, и говорил, что Марине спокойнее, когда рядом есть человек, которому можно доверить ребёнка. Маша отвечала без смущения. Они знали друг друга не первый год, и в том, что муж подруги проводит её поздним вечером, не было ничего необычного. Лишь потом она

станет вспоминать их прогулку как событие, поделившее привычные отношения на два разных времени.

Игорь говорил свободно, как говорят с человеком, которому доверяют и которого давно знают через семью. Он не старался понравиться Маше и потому не замечал, что иногда она отвечает невпопад. За обычными вопросами о службе следовали разговоры о будущем ребёнке, о бабе Шуре, о том, как изменился дом после свадьбы. Маша слушала и вдруг обнаружила, что ей интересно не только содержание его слов, но и сама манера разговаривать: как он останавливается перед ответом, не торопится с оценками, иногда усмехается собственному волнению. Её поразила эта внезапная внимательность. Прежде она знала Игоря так же хорошо, как других близких знакомых, и никогда не пыталась запомнить подобные подробности.

Они вспоминали, как Марина ещё в институте уверяла, что сумеет совмещать любую работу с семьёй. Игорь смеялся над этой уверенностью, но тут же добавлял, что с ребёнком им, вероятно, придётся учиться терпению обоим. Маша согласилась помогать, когда будет нужно. Разговор не касался ничего личного между ними. Игорь ни разу не попытался задержать спутницу, коснуться её руки или сказать двусмысленность. Он говорил о жене, будущем ребёнке, квартире, в которой теперь придётся находить место для детской кроватки. Маша слушала его с привычным дружеским вниманием.

Игорь рассказывал о семейных хлопотах без той торжественности, с какой говорила о будущем Марина. Он волновался из-за предстоящего рождения ребёнка, но старался не показывать тревоги жене. Маша слушала его и неожиданно замечала, что знает этого человека гораздо меньше, чем ей казалось. За привычной приветливостью обнаруживались простые, серьёзные заботы. Она спрашивала о Марине, о врачах, о том, не слишком ли устаёт подруга, и разговор оставался совершенно естественным. Ничто в нём не предвещало беды — по крайней мере для Игоря.

По дороге Маша несколько раз собиралась сказать, что дойдёт сама. Было поздно, но улица оставалась знакомой, и раньше она возвращалась этим путём без сопровождения. Каждый раз она откладывала слова, чтобы не перебивать собеседника. Они шли медленно, останавливались у перекрёстков, обсуждали разные мелочи. Для Игоря прогулка была продолжением обычного вечера. Для Маши она тоже оставалась такой до последних минут; именно поэтому неожиданная перемена в собственном восприятии так её испугала.

У дверей её квартиры они остановились. Игорь поблагодарил за цветы, попросил передать привет матери и пожелал спокойной ночи. Затем неожиданно наклонился и поцеловал Машу в щёку. Поцелуй был коротким и совершенно домашним, таким, каким прощаются с родственницей после общего праздника. Увидев её растерянность, он улыбнулся и пояснил, что целует её как родную. Маша тоже попыталась улыбнуться. Она сказала, что уже поздно, пожелала ему добраться домой и поспешила открыть дверь.

Игорь ушёл, не заметив перемены. У него не было причин оглядываться или переосмысливать случившееся: он проводил близкую подругу жены и вернулся к своей счастливой семье. Маша же осталась в прихожей, прислушиваясь к удалявшимся шагам. Она сняла пальто, повесила его на место, проверила замок и ещё некоторое время не могла заставить себя пройти в комнату. Её смущало не поведение Игоря, а собственная реакция, непропорциональная обычному проявлению родственной нежности.

Перед сном она попыталась заняться привычными делами, но внимание возвращалось к минуте у двери. Маша прекрасно понимала, что Игорь не делал ей предложения, не признавался в чувстве и не нарушал границ, существовавших между ними. Она даже раздражалась на себя за желание припомнить подробности: куда он смотрел, как произнёс последние слова, почему остановился так близко. Всё это прежде не имело бы значения. Теперь же воспоминание не удавалось отодвинуть, и чем упорнее она называла поцелуй пустяком, тем отчётливее чувствовала своё смущение.

Ночь прошла почти без сна. Маша лежала в темноте и впервые позволила себе признать, что думает об Игоре иначе, чем о муже подруги. Это открытие не принесло радости. За ним сразу последовало воспоминание о Марине, о годах дружбы, о доме, где Машу принимали как дочь, и о ребёнке, рождения которого все ждали. Она не строила планов и не представляла, будто Игорь может ответить ей взаимностью. Она испугалась того, что чувство уже появилось без её согласия и теперь ей самой придётся решать, как с ним жить.

Она снова восстановила вечер в памяти, стараясь отделить собственное впечатление от того, что произошло на самом деле. Марина попросила мужа проводить подругу, Игорь согласился, они поговорили о будущем ребёнке и расстались у двери. В каждом из этих поступков было меньше тайного смысла, чем Маша успела им придать. Она упрямо возвращалась к этому очевидному выводу, однако он не приносил облегчения: чувства возникли независимо от её рассуждений.

Утром она попробовала представить, будто вчера ничего не произошло. Для этого требовалось совсем немного: позавтракать, пойти на службу, вечером зайти к Марине и выслушать очередной рассказ о ребёнке. Но теперь даже такой простой план вызывал напряжение. Маша боялась не встречи с Игорем, а собственной реакции на него. Ей казалось унижительным, что другой человек способен изменить её настроение, сам того не зная. Ещё обиднее было сознавать, что этот человек — муж Марины. Впервые за многие годы подруга оказалась тем, перед кем Маше хотелось скрыть правду.

Ей вспоминалась сама Марина: её голос за столом, привычка смеяться прежде, чем дослушает шутку, доверчивые рассказы о будущем ребёнке. Маша знала, что подруга никогда не заподозрит её в недобром желании. От этой мысли становилось ещё тяжелее. Она по-прежнему любила Марину и не хотела разрушать её семью, но впервые обнаружила, что добрых намерений недостаточно, чтобы управлять собой. Утром предстояло вести себя как прежде; Маша ещё не понимала, насколько трудным окажется это простое решение.

ГЛАВА 5. День, когда не пришла

Утром Маша поднялась раньше звонка будильника. Сначала ей показалось, что вчерашняя тревога исчезла вместе с ночной темнотой, но стоило вспомнить прощание у двери, как неловкость вернулась. Маша долго выбирала одежду, хотя обычно не тратила на это времени, и раздражалась, замечая собственную медлительность. Она пыталась рассуждать здраво: в поведении Игоря не было ничего, что могло бы дать повод для надежды, а значит, вся проблема заключалась только в ней самой. Признать это было легче, чем выдержать обычный день.

Работа в прокуратуре требовала собранности. На столе лежали документы, ожидавшие проверки, коллеги заходили с вопросами, и Маша старалась отвечать так, чтобы никто не заметил её состояния. Она перечитывала знакомые формулировки, делала пометки на полях и всякий раз возвращалась к началу страницы, поймав себя на рассеянности. Несколько раз она с досадой подумала, что ещё вчера считала свою жизнь понятной и спокойной. За один вечер ничего вокруг не изменилось: прежними остались служебные обязанности, квартира, забота о матери и многолетняя дружба. Изменился лишь смысл одной встречи.

Обычно после работы Маша заходила к Марине. Это не требовало специальной договорённости: подруги привыкли появляться друг у друга, когда позволяли дела. Сегодня Маша направилась сразу домой. По дороге она даже обрадовалась, что не придётся объяснять никому своё настроение. Но едва успела снять пальто, как позвонила Марина. В её голосе прозвучало удивление: почему подруга не пришла, не случилось ли что-нибудь на работе? Маша ответила, что приболела и хочет пораньше лечь. Ложь прозвучала убедительно лишь наполовину; она сама это услышала и поспешила перевести разговор на обычные заботы.

Мать находилась в больнице на плановом обследовании, поэтому дома Машу не ждал обычный вечерний разговор. Отсутствие матери впервые показалось удобным: не нужно было придумывать объяснение рассеянности. Но, сняв пальто, Маша вдруг поняла, как непривычно ей самой сидеть одной. Она перебирала бумаги, убирала со стола чашку, несколько раз подходила к телефону и не решалась позвонить Марине. Дело было не в желании прекратить дружбу. Напротив, она боялась, что рядом с подругой не сумеет скрыть внезапной перемены в себе.

Марина не собиралась оставлять близкого человека одного с болезнью. Она расспросила о температуре и лекарствах, велела не хлопотать с ужином и вскоре пришла сама. Маша ещё не успела придумать, как объяснить отсутствие явных признаков простуды, когда в дверь раздался знакомый звонок. Мать Маши в эти дни находилась в больнице на плановом обследовании, поэтому хозяйничать приходилось одной. Марина вошла с привычной уверенностью человека, которому здесь всегда рады, оглядела подругу и решила, что та действительно переутомилась.

На кухне поставили чайник. Марина рассказывала о домашних делах, о самочувствии и о том, как Игорь уже начинает относиться к беременности с избыточной серьёзностью. Раньше Маша слушала подобные истории с удовольствием, иногда поддразнивая подругу. Теперь каждое упоминание мужа заставляло её напрягаться. Она не могла попросить Марину замолчать и не хотела показаться холодной. Приходилось задавать вопросы, улыбаться в нужные минуты и делать вид, что тема разговора по-прежнему совершенно обычна.

Марина перебирала привычные домашние подробности, рассчитывая развлечь заболевшую подругу. Она не знала, что каждое упоминание Игоря теперь вынуждало Машу делать усилие над собой. Маша отвечала коротко и иногда просила повторить вопрос, который только что слышала. Её раздражала эта неловкость: Марина пришла по доброте, оставила собственные дела, а хозяйка сидела напротив и ждала, когда визит закончится. В другое время Маша непременно нашла бы, чем отблагодарить подругу. Теперь вся её вежливость сводилась к тому, чтобы не выдать раздражения и не сказать ничего несправедливого.

Марина, увлечённая рассказом, не сразу заметила перемену. Потом замолчала и внимательнее посмотрела на Машу. Та сидела с чашкой в руках и почти не притронулась к чаю. На вопрос, не стало ли хуже, ответила, что просто устала и плохо спала. Марина предложила помочь с домашними делами, но получила отказ. Ей было искренне жаль подругу, особенно сейчас, когда Машина мать находилась в больнице и вечером некому было встретить дочь. Она не знала, что привычная забота причиняет Маше новую, тяжёлую неловкость.

Маша боялась, что подруга начнёт задавать вопросы, на которые придётся лгать. Но Марина, привыкшая доверять ей, лишь попросила беречь себя и не выходить завтра на работу, если недомогание не пройдёт. Этот простой совет оказался тяжелее любых расспросов. Маша не могла спокойно смотреть на человека, который беспокоился о ней, не представляя причины её смущения. Она приняла заботу и одновременно почувствовала, как трудно будет дальше поддерживать прежнюю непринуждённость.

Марина решила не задерживаться. На прощание напомнила, что при необходимости они с Игорем сразу придут на помощь. Маша поблагодарила её, проводила до лестницы и закрыла дверь. За ней ещё слышались лёгкие шаги подруги, а в голове продолжали звучать слова «мы с Игорем». В них не было ничего необычного: это была правда о счастливой супружеской паре. Но впервые Маша ощутила себя человеком, который стоит за пределами чужого счастья и почему-то воспринимает это как личную потерю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.